

«У нас не было страха»: ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС рассказал о случившемся 33 года назад

27.06.2019

Бортинженер вертолета Ми-26 Александр Петров встречает нас в офисе Московского авиационного центра Департамента по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и пожарной безопасности города Москвы. Бравый, подтянутый мужчина. Он до сих пор летает, уже более 35 лет. Но в его биографии есть очень значимый эпизод: в составе летного экипажа он в первые дни после аварии на Чернобыльской АЭС работал в воздухе над станцией.

Бортинженер вертолета Ми-26 Александр Петров спустя 33 года рассказывает о своем участии в ликвидации аварии на Чернобыльской атомной станции, которая стала одним из главных потрясений в мировой истории.
Фото: Владимир Смоляков

Мы устраиваемся в одном из учебных классов друг напротив друга. Александр приветлив, улыбчив, располагает к себе с первых же секунд. Но в 1986-ом, ему было не до улыбок. Тогда он — старший лейтенант 30 лет — служит в городе Торжок. Есть жена и ребенок. Он должен был уйти в отпуск 27 апреля. Оставалось только заступить в наряд, отработать до пяти часов следующего дня и отправиться на отдых.

— Тревогу объявили в 12 часов дня 26 апреля. Я тогда дома красил кухню. Кисточка так и осталась в банке до 11 мая, пока я не вернулся домой. А задачи нам никакой не поставили. Собрали и сказали, что нужно лететь в Черни — это недалеко от Чернобыля. Зачем и для чего, никто не знал. Но по слухам, которые до нас доходили, там случился какой-то пожар, — рассказывает Александр Николаевич. В командировочном удостоверении написали: «Перегонка авиационной техники». Добравшись до Чернигова, экипаж Петрова отправился в Чернобыль. С момента разрушения четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС тогда прошло уже более 16 часов.

Первые экипажи вертолетов МИ-26 и МИ-6, участвовавшие в ликвидации на ЧАЭС, в звездном городке на экскурсии после обследования в госпитале; июнь 1986 год. Экскурсию проводили космонавты

— Мы сделали круг над станцией, сели, ничего было непонятно. Неподалеку бабушки сажали картошку. Никакой паники в городе. Уже потом мы увидели, что со стороны Припяти, где жили работники станции, людей вывозят автобусами. И только ближе к ночи мы знали подробности: взорвался четвертый реактор, — вспоминает бортинженер.

Одно из ощущений того момента: никто не понимал, как правильно поступить в той ситуации. Пока решали, что делать, радиацией медленно, но верно заражалось все вокруг. Реактор решено было засыпать стружкой, песком и свинцом. Все это забрасывали в специальный ящик, из которого и черпали.

Чтобы мне было понятней, бортинженер берет листок бумаги и ручку. Начинает рисовать то устройство. Вспоминает, что открыть ящик было очень сложно: тросы постоянно закручивались. Осложнялась работа и наличием подстанции неподалеку: она питала остальные реакторы. Если содержимое ящика попало бы туда, подстанцию бы обесточило. Это был риск: аварийно могли сработать все энергоблоки станции. И тогда катастрофа приобрела бы ужасающий масштаб. Но Петров и его экипаж делали все возможное, чтобы этого не случилось.

— У нас на вертолете стоит прибор ДП-5, который измеряет уровень радиации. Он находится у штурмана под сиденьем. Когда мы зависали над станцией на высоте 100 метров, он показывал 500 рентген в минуту. Датчик просто зашкаливал. О чем в том момент думали? У нас не было страха. Это надо было сделать, ведь кто-то должен завалить очаг, — объясняет Александр Петров. Сама станция не выглядела как после разрушительной катастрофы. Скорее, зрелище походило на обвал крыши, плюс обрушилась часть стены. И лишь две маленькие топки горели внизу.

Торжок. Летный состав отряда вертолетов Ми-26. Зима, 1988 год

— Когда высовывались с вертолета, буквально на четыре-пять секунд, лицо потом горело так, будто полдня пролежал на пляже в Сочи. Так действовала радиация. И сразу привкус свинца во рту, который я помню до сих пор, — вспоминает ликвидатор. Дни напролет экипаж работал на месте катастрофы. В сутки делали по 15-20 вылетов с грузом. За два дня сбросили 500 тонн песка и свинца. Очаг удалось засыпать. А работать приходилось без всякой химической защиты.

— Как у военных, на борту должны быть костюмы химзащиты. Но кто-то сказал, что лучше их не надевать: реактивная пыль попадает под химзащиту и начнет фонить еще хуже. Единственное, что мы сделали — выложили пол в кабине листом из свинца. Нас каждый день переодевали и мыли. Это было защитой. Говорят, подводники этому научили, — рассказывает Александр Петров.

Петров А.Н. на рабочем месте. Кабина вертолета МИ-26. Девяностые годы

Его отправили в госпиталь 1 мая. Несколько недель он провел под наблюдением докторов. Говорит, что работа в Чернобыле на его здоровье не отразилась. И дай бог, так и будет дальше. Тот вертолет сейчас на кладбище техники, где-то неподалеку от Чернобыля. И время от времени ликвидатор его «навещает» — через Интернет, с помощью виртуальных карт. Говорит, без этого ему никак. Ведь вертолет служил им верой и правдой долгие годы. Об аварии людям официально сообщили только 30 апреля. Без подробностей. А до этого информация тщательно скрывалась. Никто даже не стал отменять демонстрацию в честь Праздника Весны и Труда. О реальных масштабах катастрофы генсек ЦК КПСС Михаил Горбачев рассказал в телеобращении только 14 мая. Позже он признал, что замалчивание было ошибкой.

— Мне кажется, поначалу никто не воспринял эту аварию всерьез. Потому что первая комиссия, которая совершила облет реактора, работала только 30 числа. Никто же не знал, что случился такой выброс радиации. Я так понимаю, до высшего руководства информация об истинных масштабах ЧП дошла только спустя несколько дней, — говорит Александр Петров.

Тогда в Чернобыле по обстановке сложно было понять, что случилось что-то страшное. На мой вопрос, не проще ли работать, когда не осознаешь реальной опасности, Александр Петров отвечает твердо: «Нет». Говорит, что лучше знать, на что идешь. Но даже если бы знал, продолжает он, то все равно не отступил. Есть задача, и ее нужно было выполнять.

Сегодня Александр Петров работает в Московском авиационном центре. Все так же бортинженером. Он совершенно не понимает попыток романтизировать те события через кино и игры. И тем более не может принять идею организовать на Чернобыльскую АЭС экскурсию.

Каждый год он и его товарищи чтут память о ликвидаторах чернобыльской катастрофы. Ведь благодаря их самоотверженности удалось избежать более серьезных последствий — это спасло миллионы жизней. Те, кто там был, надеются, что ничего подобного больше не повторится.

Адрес страницы: <http://mosavia.mos.ru/presscenter/news/detail/8181108.html>

[ГКУ "Московский авиационный центр"](#)